

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Е. А. ДАВИДОВИЧ и Б. И. МАРШАК

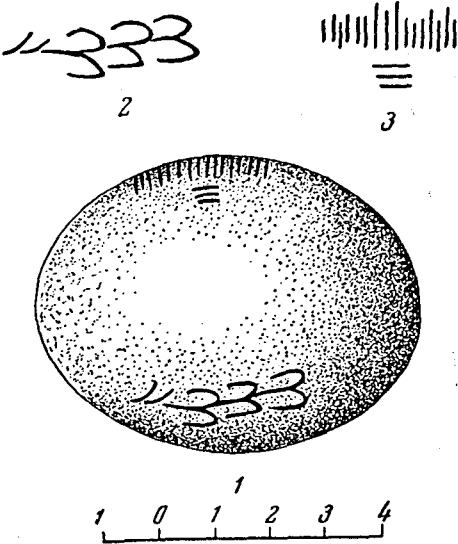
УНИКАЛЬНАЯ ГИРЯ VI—VIII вв. ИЗ ПЯНДЖИКЕНТА

В 1952 г. на городище древнего Пянджикента была найдена небольшая черная галька с выгравированными на ее поверхности знаками (рис. 1)¹.

Галька эта впервые издана А. М. Беленицким, который сопоставляет ее с каменными «яйцами» из находок на трассе Большого Ферганского канала. Касаясь назначения такого рода предметов, А. М. Беленицкий замечает: «Наличие гравированного рисунка на пянджикентском камне заставляет думать, что они имели какое-то магическое значение»².

Помещения ограды второго храма (объект II), при раскопках которых была сделана эта находка, имели, по-видимому, главным образом хозяйственное назначение. Вещи, обнаруженные в помещениях ограды, многочисленны и разнообразны. В одном из этих помещений найден клад согдийских монет VIII в. н. э. Однако на II объекте имеется и более ранний материал, например скульптурная композиция айвана, которую А. М. Беленицкий относит к VI в. н. э.³

Таким образом, комплекс, из которого происходит интересующий нас предмет, может быть приблизительно датирован VI—VIII вв. н. э.

Гиря VI—VIII вв. из Пянджикента

¹ Хранится в Музее Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (шифр хранения — КП 101/1285, номер по описи Пянджикентского отряда Согдийско-Таджикской археологической экспедиции за 1952 г. — $\frac{\text{ТС-II-52}}{\text{II-74}}$).

² А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте. КСИИМК, вып. 55, 1953, стр. 41 и рис. 6, 1.

³ А. М. Беленицкий. Указ. соч., стр. 47; см. также О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента. КСИИМК, вып. 55, 1953, стр. 48—51; ее же. Первый клад согдийских монет. «Эпиграфика Востока», X, М., 1955, стр. 3—13.

* * *

Галька имеет яйцевидную форму. Длина камня 68,6 мм, наибольший поперечник 55 мм. Галька была специально отполирована, но на ее поверхности имеются маленькие выщербинки и царапины, появившиеся, по-видимому, в результате длительного употребления. Более всего повреждена поверхность у концов камня. Однако все выщербинки настолько незначительны, что не изменили существенно вес изделия, который в настоящее время равен 276,51 г.

Вдоль камня, несколько ближе к его узкому концу, выгравирована надпись, состоящая из согдийских цифровых обозначений, которую В. А. Лившиц читает как 20—20—20—2, т. е. 62⁴ (рис. 1, 1—2). Эти цифры раскрывают назначение предмета: цифрами обозначен вес камня, вывешенная галька служила гирей. Вес ее с помощью полировки был подогнан до каких-то 62 целых единиц. Размер этой весовой единицы равнялся 276,51 г : 62 = 4,46 г.

Единица в 4,46 г находит прямые аналогии в размере восточного мискаля. Последний, как известно, имел⁵ и имеет до последнего времени⁶ многочисленные локальные варианты, но в определенных пределах, в которые прекрасно укладывается вычисленная единица пияджикентской гири. Более того, в новейшем обобщающем исследовании В. Хинца по метрологии Востока размер мискаля именно в 4,464 г сочтен каноническим. Этот канонический товарный мискаль (в отличие от монетного мискаля — динара) В. Хинц вычисляет на основании весового дирхема в 3,125 г (исходя из прочного их отношения, как 7 : 10). Последний же точно установлен взвешиванием нескольких крупных и мелких гирь.

⁴ Выражаем глубокую благодарность В. А. Лившицу за прочтение этой надписи и консультацию по вопросам палеографии.

Начертание цифры 20 на гальке напоминает форму современной цифры 3. Для соединения с последующими цифрами служит удлиненный средний выступ, так что цифры 20 как бы нанизаны на линию, проходящую через середину их высоты. Надписи, в которых цифры соединены горизонтальной чертой, проходящей через середину их высоты, встречаются на серебряных сосудах (Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XIX, 43; I, 84 и др.).

Для цифр единиц на нашей гальке эта средняя линия оказывается нижней линией, по которой единицы соединены между собой и с двадцатками. В документах начала VIII в. из замка на горе Муг вследствие курсивного развития согдийского письма верхняя половина цифры 20 становится замкнутой, а нижняя превращается в острый угол. Иногда стороны угла почти сливаются в прямую линию и знак начинает напоминать современную цифру 2; такое написание также известно и на металле (см. А. А. Фрейман. Несколько замечаний к Армазской билингве Г. В. Церетели. «Изв. АН СССР», т. V, вып. 2, 1946, стр. 159; его же. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», XVII, 1936, фиг. 4 на стр. 155, шестая строка, и фиг. 1 на стр. 141, пятая строка; Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XLI, 71). В таком случае нижняя горизонтальная линия служит для соединения с последующими цифрами. Однако на мусских рукописях встречается и другой вариант, в котором для соединения служит удлиненный средний выступ, тогда как нижняя часть цифры 20 сохраняет округлую форму, но уходит под строку (А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы..., фиг. 2 на стр. 149, десятая строка).

Надпись на гальке представляет собой попытку перенести на твердый материал один из вариантов курсивных начертаний (конечно, между начертаниями на камне и на коже или на бумаге имеются существенные различия). В надписи на бухарском серебряном кувшине V—VI вв. цифры 20 не соединены между собой, форма этих цифр еще более напоминает современное 3 (В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, № 1, рис. 3).

⁵ W. Hinz. Islamische Masse und Gewichte. Leiden, 1955 («Handbuch der Orientalistik». Ergänzungsband 1, H. 1).

⁶ См. статью Р. Фасмера в «Wörterbuch der Münzkunde» V. Schrötter'a, Berlin—Leipzig, 1930.

Канонический товарный мискаль в 4,464 г — не теоретическая единица, он практически использовался в отдельных странах, например в Ираке и Сирии⁷.

Более существенно было бы сравнение с собственно среднеазиатским материалом, особенно — с размером средневекового самаркандского мискаля, так как здесь можно предполагать преемственность. Из весовых мискалей, употреблявшихся в средние века в Самарканде и самаркандской области, в настоящее время известен только один — позднесредневековый мискаль XV—XIX вв., равный 4,8 г. Однако этот же мискаль в XV—XIX вв. употреблялся и в других городах и областях Средней Азии в пределах Шейбанидского, Аштарханидского и Маугытского государств. Он же положен в основу монетного чекана того времени⁸.

Позднесредневековый мискаль в 4,8 г близок к единице пянджикентской гири в 4,46 г, но не равен ей, поэтому здесь исключена преемственность. Можно предполагать, что позднесредневековый мискаль в 4,8 г восходит к соответствующей единице не самаркандского Согда, а какой-то другой среднеазиатской области, о чем будет сказано ниже.

Итак, единица в 4,46 г пянджикентской гири входит в группу тех основных весовых единиц, которые на средневековом Востоке назывались мискалями. Однако согдийское название этой единицы в VI—VIII вв. нам пока неизвестно. Обращает на себя внимание следующий факт. Слово «драхма» в согдийском языке употреблялось для обозначения и монеты и веса. Можно предполагать, что слово «динар», зафиксированное в согдийском языке⁹, также могло иметь оба эти смысла. Между прочим, в арабском халифате слово «денар» имело именно такое двойное значение, причем весовой динар был равен мискалю. Ни в коей мере не настаивая на высказанном предположении, для удобства изложения в дальнейшем безыменную единицу пянджикентской гири мы чисто условно будем называть «денаром»¹⁰.

Кроме разобранный надписи, на другой стороне гири находятся 19 несколько небрежно выгравированных коротких насечек (рис. 1, 1, 3). 16 насечек параллельны между собой и расположены, как и надпись, в ряд вдоль камня. Кроме этих вертикальных насечек есть еще три горизонтальные насечки, расположенные одна под другой около середины ряда. Можно предположить, что насечки, как и цифры, представляют собой обозначение веса гири.

Очевидно, горизонтальные и вертикальные насечки не могут обозначать одни и те же единицы: одни из насечек должны быть значками больших единиц, а другие — кратных им меньших, но в сумме они должны составлять вес, равный 62 «денарам».

Возможны два предположения: 1) большие единицы показаны 16 вертикальными насечками, а меньшие — тремя горизонтальными; 2) боль-

⁷ W. Hinz. *Islamische Masse...*, стр. 3—7.

⁸ Е. А. Давидович. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV—первой половине XVIII веков. «Доклады АН УССР», № 5, 1951, стр. 50 сл.

⁹ См., например, В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьякопов. Указ. соч., стр. 162.

¹⁰ Средний вес согдийских монет пянджикентскогоклада О. И. Смирнова (Первый клад согдийских монет, стр. 6) определяет в 2,24 г, что составляет как раз половину «денара» пянджикентской гири. Однако проверка графическим способом показала, что это совпадение случайное, и цифра 2,24 г., являясь средним арифметическим, не соответствует среднему весу самих монет. Графическая таблица четко показывает, что в составе клада — две весовых группы, средний вес которых не кратен. Следовательно, перед нами не редкий случай, когда весовой стандарт монет изменялся без изменения их типа.

шие единицы показаны тремя горизонтальными насечками, а меньшие — 16 вертикальными.

Обозначая буквой «*n*» число меньших долей в крупной единице, получаем следующие выражения общего числа малых весовых единиц гири:

$$16n + 3 \text{ — для первого варианта}$$

$$3n + 16 \text{ — для второго варианта}$$

И соответственно вес малой единицы (*x*) определяется следующими уравнениями:

$$x = \frac{276.51}{16n + 3} \text{ или } x = \frac{276.51}{3n + 16}$$

Исходя из обеих употребительных систем счета — шестиричной и десятиричной — могут быть предложены следующие значения:

1. Для первого варианта ($16n + 3$) «*n*» равно 6 (также 12, 24 и т. д.) или 10 (также 20 и т. д.).

2. Для второго варианта ($3n + 16$) «*n*» равно не менее 24 и 20 (так как в этом случае в одной крупной единице должно содержаться более 16 мелких).

Результаты решения уравнений при всех указанных значениях «*n*» представлены в следующей таблице:

Вес гири	<i>n</i>	Общее число малых единиц	Размер « <i>x</i> » в г
$16n + 3$	6	$16 \times 6 + 3 = 99$	$276.51 : 99 = 2.79$
	12	$16 \times 12 + 3 = 195$	$276.51 : 195 = 1.41$
	24	$16 \times 24 + 3 = 387$	$276.51 : 387 = 0.71$
	10	$16 \times 10 + 3 = 163$	$276.51 : 163 = 1.7$
	20	$16 \times 20 + 3 = 323$	$276.51 : 323 = 0.86$
$3n + 16$	24	$3 \times 24 + 16 = 88$	$276.51 : 88 = 3.14$
	20	$3 \times 20 + 16 = 76$	$276.51 : 76 = 3.64$

Полученные цифры позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, мы видим, что общее число малых единиц во всех случаях больше 62 и во всех случаях не кратно 62. Следовательно, возможное допущение, что согдийская надпись и насечки на гире просто по-разному выражают ее вес в одних и тех же единицах, отпадает совершенно. Ясно также, что размер малой единицы насечек меньше размера «денара» в 4,46 г. Таким образом, надпись и насечки выражают вес гири в разных единицах, которые к тому же не находятся друг с другом в простых кратных отношениях.

На средневековом Востоке, как известно, были две основные малые единицы веса — дирхем и мискаль. В весовой системе одной области или страны дирхем всегда был ниже мискаля, причем самым распространенным, каноническим отношением между ними было отношение 7 : 10. Дирхем и терминологически и размером восходит к драхме. В Согде драхма как весовая единица существовала до арабского завоевания. Естественно предположить, что насечки передают вес гири именно в драхмах. Из всех полученных размеров малой единицы насечек лишь три (2,79 г, 3,14 г, 3,64 г) перекликаются с весом средневекового восточного дирхема. Из этих трех вес в 3,14 г соответствует и каноническому дирхему в 3,125 г и локальным дирхемам тех стран, мискаль которых полностью совпал с нашим «денаром» нияджикентской гири (4,46 г).

Если принять (пока условно), что из трех размеров драхмы наиболее достоверным является размер в 3,14 г, можно сделать два предварительных вывода: 1) панджикентская гиря весила 62 «денара» или 88 драхм; 2) в Согде VI—VIII вв. между весовыми «денаром» и драхмой было отношение 7 : 10, т. е. 10 драхм весили 7 «денаров». Оба этих предварительных вывода подтверждаются собственнo среднеазиатским материалом.

Особенно интересной в этом смысле оказалась надпись на серебряном среднеазиатском кувшинчике V—VI вв., найденном в 1926 г. на территории Пермской области. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконов переводят ее следующим образом: «Из... [имущества?] царя Ширака. Вес — 265. Всегда вкушай». Эти исследователи справедливо полагают, что вес сосуда обозначен в драмах¹¹.

Несколько иначе читает и переводит эту надпись Р. Фрай: «*an sičk... king širāk measure of 265 draxm vessel*»¹². Однако указание на вес сосуда остается неизменным, а единицы веса, согласно чтению Р. Фрая, прямо названы драмами.

Так как реальный вес сосуда 891 г, размер этой драхмы легко вычисляется; он равен: $891 : 265 = 3,36$ г. Размер драхмы V—VI вв. находит прекрасную аналогию в среднеазиатском материале.

В позднесредневековой Средней Азии из двух основных малых единиц, дирхема и мискаля, именно последний получил ведущее значение. Однако весовой дирхем не был утерян полностью. Он часто, например, клался в основу при определении веса серебряных монет. Вес такого рода серебряных монет определяется в источниках выражением **وزن سبعة**. Значение этого выражения иногда тут же разъясняется: 10 такого рода монет по весу равны семи мискалям. Между прочим, именно такой вес был взят для серебряных среднеазиатских монет позднейшего времени. Поскольку торгово-денежный мискаль в Средней Азии XV—XIX вв., как уже отмечалось, равнялся 4,8 г, — названный «вес семи» **وزن سبعة** равен: $\frac{4,8 \times 7}{10} = 3,36$ г, т. е. абсолютно повторяет вес драхмы среднеазиатского же серебряного кувшинчика V—VI вв., что нельзя объяснить простой случайностью.

Можно полагать, что это — крайние звенья одной цепи; иначе говоря, одна из основных единиц веса под названием драхмы, а затем дирхема, в Средней Азии равная 3,36 г, просуществовала без изменений в течение многих столетий (сейчас зафиксирована с V—VI вв. по XIX в.).

Весовое совпадение согдийской драхмы V—VI вв. и позднейшего среднеазиатского весового дирхема позволяет также сделать предположение о глубокой древности среднеазиатского мискаля в 4,8 г. Поскольку единица веса, соответствующая мискалю и условно названная нами «денаром», существовала — судя по рассматриваемой панджикентской гире — и в доарабское время, использование в V—VI вв. драхмы, равной 3,36 г, позволяет предполагать существование соответствующей ей другой единицы — «денара» в 4,8 г.

¹¹ В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 161. Авторы неверно вычислили размер этой единицы (3,28 г), что в свою очередь привело к необоснованному утверждению о равенстве в середине V в. весовой драхмы и драхмы-монеты. В данном случае можно говорить только о близости веса, причем вес монет был, несомненно, несколько меньше веса драхмы. Такой отрыв наименования от веса — явление самое обычное и закономерное в монетном чекане.

¹² R. N. Frye. Notes on the History of Transoxiana. «Harvard Journal of Asiatic studies», 1956, v. 19, № 1—2, стр. 120.

Теоретически выявленный «денар» в 4,8 г больше «денара» пиянджикентской гири (4,46 г). Такая разница наталкивает еще на одно соображение. Известно, что как мелкие, так и крупные единицы веса при одинаковых названиях весьма различались размерами в разных местах. Эти локальные варианты, подчас очень значительные, сохранились на Востоке до последнего времени. Можно поэтому допустить, что два «денара» — в 4,46 и в 4,8 г — принадлежат весовым системам двух разных областей Средней Азии. В пользу этого предположения говорят следующие факты. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконов полагают, что разобранные ими надписи — в том числе и на серебряном кувшинчике из Пермской области — «представляют особую разновидность согдийского письма, выработанную в Бухарском оазисе»¹³. Следовательно, драхма в 3,36 г и теоретический «денар» в 4,8 г связаны с Бухарой. «Денар» же в 4,46 г пиянджикентской гири, несомненно, принадлежит весовой системе самаркандского Согда. Примеры же более позднего времени показывают, что размеры весовых единиц Бухары и Самарканда действительно различались, поэтому в письменных источниках при весовых исчислениях специально оговаривалось бухарское или самаркандское происхождение соответствующих единиц (например, батманов и их частей)¹⁴. Использование и в Бухаре и в Самарканде XV—XVIII вв. одинакового мискаля (в отличие от прочих, совершенно различных по размерам, хотя и одинаковых по названиям единиц) в свете приведенного материала свидетельствует о том, что за основу к этому времени был взят именно старый бухарский мискаль. Иначе говоря, перед нами случай, когда одна из местных единиц веса получила более широкое распространение и стала в известной мере единицей общесреднеазиатской.

Итак, на основании надписи на кувшинчике V—VI вв. установлен факт существования в бухарском Согде единицы веса — «драхмы» и ее размер — 3,36 г; по аналогии с «денаром» пиянджикентской гири предположено существование в Бухаре и этой второй единицы веса. Сравнение же бухарской драхмы V—VI вв. с позднейшим дирхемом (3,36 г) позволило заключить, что синхронный ей «денар» должен был равняться 4,8 г и аналогичным образом сохраниться в позднейшем мискале. При этом на протяжении многих столетий сохранился не только абсолютный вес этих единиц, но и их отношение как 7 : 10.

Для самаркандского Согда установлен размер «денара» (4,46 г) и вычислено три вероятных варианта размера драхмы. Следует полагать, что при разном абсолютном весе самаркандских и бухарских единиц, система весовых соотношений в этих соседних культурно связанных областях должна была быть одинаковой. Иначе говоря, в самаркандском Согде, как и в бухарском, весовое отношение «денара» и драхмы должно было быть таким, как 7 : 10¹⁵. В совокупности с приведенными выше соображениями это убеждает в правильности предварительного определения драхмы самаркандского Согда в 3,14 г. Необходимо, однако, внести еще одно уточнение. Естественный вес гальки определил то обстоятельство, что выразить его одновременно целым числом драхм и «денаров» оказа-

¹³ В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 163; Р. Фрай допускает возможность первое слово надписи кувшина из Пермской области понимать как «Аньси» — китайское наименование Бухарского оазиса (Указ. соч., стр. 120 и прим. 80).

¹⁴ Е. А. Давидович. Указ. соч., стр. 52—54 и табл. на стр. 54.

¹⁵ Между прочим, такое же отношение 7/10, по данным Табари, было и в сасанидском Иране в VII в. (см. Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus dem arabischen Chronik des Tabari... Leiden, 1879, стр. 355 и прим. 1 к стр. 355).

лось невозможно, поэтому необходимо было незначительное округление. Это требует известной поправки в абсолютные цифры за счет одной из двух единиц. Если «денар» в 4,46 г точен, то драхма должна быть не 3,14 г, а 3,12 г. И наоборот, если точен вес драхмы в 3,14 г, то «денар» следует приравнять к 4,48 г.

Пянджикентская гиря — уникальна. Нужно отметить, что находки гирь в Средней Азии вообще редки. Кроме двух изданных бронзовых гирь саманидского времени¹⁶, нам известны еще 8 гирь: 5 бронзовых, хранящихся в Самаркандском музее¹⁷, одна глиняная XI в. из средневекового Хульбука¹⁸ и две стеклянные из коллекции Б. Н. Кастальского¹⁹. Все они изготовлены из разных материалов, по специально, по заранее заданному весу. Для пянджикентской гири использована естественная галька, почему общий вес гири, лишь уточненный полировкой, дал такое произвольное число, как 62 «денара» или 88 драхм.

Уникальна пянджикентская гиря еще и тем, что в Средней Азии она первая, на которой обозначен вес, да еще и параллельно в двух основных единицах того времени. Анализ этих двух весовых обозначений в сопоставлении с некоторыми сравнительными материалами позволяет сделать следующие выводы, пополняющие скудные данные по среднеазиатской метрологии.

1. В самаркандском и бухарском Согде в V—VIII вв. одновременно использовались две весовые единицы — драхма и «денар» с устойчивым отношением между ними (драхма равна $\frac{7}{10}$ «денара»). Существовали, несомненно, и более крупные весовые единицы. В частности, та же пянджикентская гиря свидетельствует о наличии в весовой системе самаркандского Согда единицы в 24 драхмы. Однако именно драхма и «денар» были настолько употребительными, что даже большой вес мог обозначаться через одни эти основные единицы, без помощи более крупных (например, сосуд в 265 драхм).

2. Абсолютный размер драхмы и «денара» в самаркандском и бухарском Согде не был одинаковым (см. табл.).

Область	Драхма	«Денар»
Самаркандский Согд	3,12—3,14 г	4,46—4,48 г
Бухарский Согд	3,36 г	4,8 г

3. Абсолютный размер средневековых дирхема и мискаля Бухары, как и отношение между ними, восходит к драхме и «денару» Бухары доарабской. Вероятно, преемственность эта была много шире и характеризует также весовые системы других областей Средней Азии. На каком-то этапе (фиксируется это с XV—XVI вв.) бухарский мискаль получил более широкое распространение, вытеснив местные (в том числе и самаркандский) мискали ряда областей Средней Азии.

4. Широкое распространение в средневековой Средней Азии (как и на всем мусульманском Востоке) шестичисленного счета получает новое освещение, так как выясняется связь этого счета с местной традицией, засвидетельствованной теперь для Согда VI—VIII вв.

¹⁶ М. М. Дьяконов. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Труды Отдела Востока государственного Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 165—176.

¹⁷ А-173-10 (Южная Туркмения), А-276-1415-7 (колл. Столярова), из колл. А-179 (сборы на Афрасиабе).

¹⁸ Хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (КП 140/139).

¹⁹ Коллекция эта приобретена Государственным Эрмитажем в 1937 г. (Отдел советского Востока, СА-231z и 234z).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

147

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

А. В. ПАЙКОВА, Б. И. МАРШАК

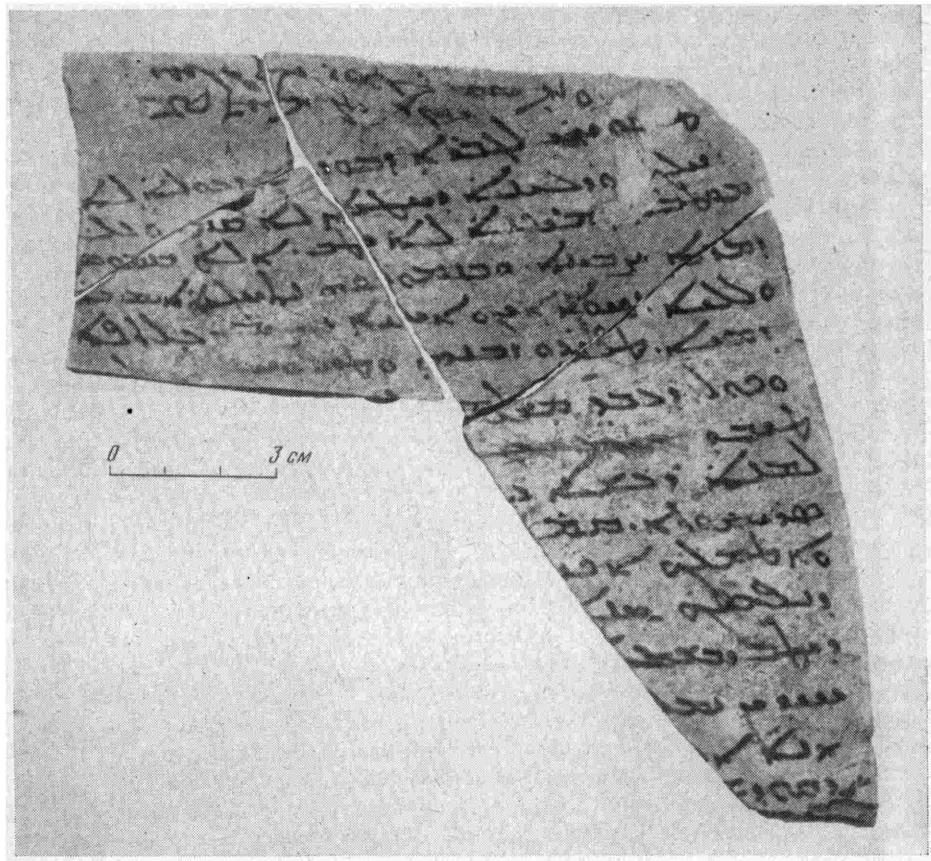
СИРИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В 1973 г. под руководством А. М. Беленицкого продолжала свои работы Пенджикентская экспедиция. Наиболее примечательной находкой сезона стала сирийская надпись на обломке боковины местного водоносного кувшина, наибольшие размеры сохранившейся части которого 12×13 см. Поверхность черепка почти плоская. Черепок был расколот еще в древности на несколько кусочков, четыре из которых, составляющие находку, легко собираются в один. Эти четыре обломка черепка были втиснуты в мягкие прослойки пола второго этажа (помещение 16) одного из жилых домов, входящих в квартал сплошной застройки, получившей условное наименование объект XXIV¹.

Надпись нанесена кисточкой или каламом чернилами черного цвета. Текст состоит из 18 строк, 16 из которых содержат первые три стиха первого псалма и фрагменты шести стихов второго. Из второго псалма в каждой строке сохранилось по несколько слов, попавших на правую сторону черепка. Весь нижний левый угол, составляющий около $\frac{1}{3}$ надписи, отсутствует. Однако и эта часть текста легко восстанавливается, поскольку надпись удалось отождествить с текстом Пешитты — сирийской версии Библии.

Две строки, написанные другой рукой в обратном направлении по отношению к основному тексту, содержат евангелию — одну из формул прославления бога. Есть основания предполагать, что надпись имеет отношение к деятельности одной из сирийских христианских школ, которые были широко распространены во времена средневековья². Сведения об этих школах имеются в сирийской литературе в большом количестве, они содержатся преимущественно в агиографических сочинениях, посвященных жизнеописанию деятелей сирийской культуры: писателей, ученых, «отцов церкви». Повествуя о детстве того или иного лица, источник, как правило, сообщает сведения о школах, которые, судя по описаниям, были устроены по типу монастырских или церковно-приходских школ, известных всему христианскому миру. В основу учебного процесса было положено усвоение Псалтыря, причем методика обучения состояла в заучивании наизусть. Как гласит источник: «Псалмы должны выходить из уст».

Не только содержание говорит о том, что перед нами учебный текст, написанный для овладения сирийским письмом и грамотой. Ведь Псалтырь могли переписывать и в других целях. Характер письма нашей надписи, особенности некоторых орфографических и грамматических ошибок со всей убедительностью свидетельствуют о том, что писавший не копировал написанное, а воспроизводил текст на слух, под диктовку. Как правило, пропущены знаки, несущие лишь графическую нагрузку, не отражающиеся в произношении. В одном случае имеет место оглушение звонкого под влиянием последующего глухого, т. е. звук воспроизведен на письме так, как был произнесен в потоке речи, что и породило очень характерную ошибку.

Сирийский документ

Другие ошибки, свидетельствуя о том, что текст был написан под диктовку, говорят нам и о личности писавшего: по-видимому, это был не сириец, а согдиец. Так, вместо сирийских *gof*, *teth* и *heth* он писал *kaf*, *tau*, *he* и наоборот. Эта замена одних знаков другими, близкими по качеству звука, может быть объяснена лишь исходя из системы письма, принятой в согдийско-христианских текстах, переведенных с сирийского и написанных сирийскими буквами³. Фонема «к» передается то через сирийское *kaf*, то через эмфатическое *gof*; согдийское «t» — через сирийское *tau*, но также нередко и через *teth*. Фонемы «h» в согдийском вообще не было, поэтому в нашей надписи *heth* и *he* не дифференцированы. Влиянием системы согдийско-христианского письма может быть объяснена также замена в одном слове нашего текста *gamal'a ajin'om*. По-видимому, писавший или, скорее, его учитель знали это письмо и испытывали на себе его влияние.

Среди согдийцев была широко распространена грамотность⁴. Существовали школы, о чем свидетельствуют как нарративные источники, так и черепки с алфавитом и упражнениями на согдийском языке⁵. А. М. Беленицкий высказал предположение, что согдийцев в Пенджикенте учили не только согдийскому, но и иностранным языкам. В частности, в Пенджикенте найдена надпись на двух языках — согдийском и арабском, сделанная одним лицом⁶.

Надпись представляет большой научный интерес для истории изучения сирийской культуры как уникальный документ о деятельности сирийской

средневековой школы. До сих пор мы располагали лишь данными нарративных источников.

Большое научное значение имеет надпись и для освещения роли сирийской традиции в Средней Азии и на Дальнем Востоке, составляя одно из существенных звеньев в цепи драгоценных находок и открытий, — таких, как знаменитая сиро-китайская билингва Сиань-фу, сиро-тюркские и сиро-иранские фрагменты из Хара-Хото и Турфана, несторианские надгробия из Киргизии и др.

Несомненна важность этой надписи и для изучения библейской рукописной традиции, поскольку она содержит фрагменты псалмов, записанных сравнительно рано (VIII в.). Количество ранних списков сирийской Псалтири невелико, и поэтому вновь открытые фрагменты представляют определенную ценность для этой отрасли науки.

Сирийская эпиграфика представлена вообще очень скромно, если говорить не о количестве, а о разнообразии эпиграфических материалов. Появление каждой новой надписи расценивается поэтому как большое событие. Это событие становится особенно важным, если речь идет о надписи на черепке, поскольку это первый и пока единственный в мире сирийский остракон.

Чтобы охарактеризовать место находки, необходимо дать краткое описание не только помещения 16, но и всех помещений этого во многих отношениях необычного дома, исследование которого началось в 1972 г. с раскопок парадного зала на втором этаже (помещение 13). Как удалось выяснить, зал горел, но был восстановлен и расписан после пожара. Тогда же был устроен пристенный очаг-алтарь. Дата восстановления зала, судя по монетам согдийского царя Тургара, около 740 г. Позднее алтарь был уничтожен и превращен в бытовой очаг. В 770-х годах жизнь в зале (как и во всем городе) прекратилась. Напротив очага были изображены бог и богиня на троне с протомами верблюда (со стороны бога) и горного барана (со стороны богини). Не останавливаясь здесь на подробной характеристике росписей, отметим только, что эти божества хорошо известны по ряду согдийских памятников и безусловно относятся к местному пантеону.

Первый этаж под залом 13 был исследован уже в 1973 г. Тут находились две темные сводчатые комнаты высотой 2,2 м. Между ними и улицей на первом и втором этажах было по два помещения. В первом этаже — небольшой вестибюль с суфой и плоским перекрытием (помещение 15) и низкая сводчатая кладовая (помещение 14). Их пол был выше, чем в помещениях под залом, а выход на улицу шел с подъемом через ступеньку и высокий порог, за которым снаружи был маленький пандус. Низкие помещения 14 и 15 высотой в момент постройки всего 1,7 м не могли служить парадным входом дома с росписью. К тому же высота наружной двери до сохранившейся притолки была около 1 м. Проход напоминал скорее лаз, чем вход в жилище. В обеих небрежно содержавшихся комнатах на полу наросла толща гумированных прослоек мощностью до 0,45 м. В последние десятилетия жизни дома ходить здесь можно было только сильно согнувшись.

Зато во втором этаже обе проходные комнаты были тщательно обмазаны и окрашены красным по черному грунту. Характерно, что если в первом этаже все проходы лежали по одной стороне, образуя анфиладу, то во втором этаже они находились в противоположных углах, так что при открытой двери из помещения 15 в помещение 14 второго этажа видна была только стена, а не зал 13. Помещение 14 служило своего рода преградой между залом и помещением 15, в которое можно было заглянуть с улицы, поскольку снаружи рядом с пандусом, спускающимся к порогу двери первого этажа, находился ступенчатый подъем на уровень пола второго этажа, где прослеживается щека прохода. В то же время внутри дома нет лестницы или пандуса. Поэтому можно думать, что в данном жилище входы были устроены

на двух уровнях в верхний жилой и нижний полуподвальный хозяйственный этажи. Такое устройство встречается в горных кишлаках, но в древнем поселении оно обнаружено впервые.

Обычно пенджикентские дома с росписями были достаточно обширны и имели, кроме зала и кладовых, еще какие-то жилые комнаты. Здесь также из помещения 15 по первому этажу и, как можно предполагать, соответственно по второму этажу шел проход не только на юг, в сторону зала 13, но и на запад, в почти квадратное помещение 16. При этом пол в проходе первого этажа поднимался на высокую ступеньку. Еще больший подъем должен был быть на втором этаже.

Роль и судьба помещения 16 для нас особенно интересны, поскольку именно в нем была найдена надпись. Пол почти квадратного зала второго этажа опирался не на своды, а на плоское балочное перекрытие, подпиравшееся шестью деревянными столбами. Такая оригинальная конструкция объясняется необычным для Пенджикента назначением нижнего помещения, служившего местом содержания животных, скорее всего ослов.

Часть помещения была отгорожена линией из трех столбов со стенкой в полкирпича между ними. При этом пол и стены, обмазанные алебастром, образовали обширное хранилище для корма. По другую сторону стенки была выгорожена длинная и узкая кормушка. Пол остальной части неровный, но очень плотный, в углу — заполненное галькой углубление для стока. В другом углу намечается широкий выход на улицу. Таким образом, было два прохода: наружу для людей и животных и в хозяйственную часть дома (помещение 15) для людей. Помещение 16 показывает нам малоизученную сторону быта древнего города. В Пенджикенте лишь очень немногие домовладельцы имели при своих домах специальные помещения для верховых или вьючных животных, которых, видимо, в случае надобности нанимали у их хозяев. Об этой практике как будто сообщает прочтенный В. А. Лившицем согдийский документ из Шахристана⁷. Таким образом, вьючные животные были источником дохода.

Стены второго этажа прослеживаются довольно плохо, несмотря на прекрасную сохранность двух прогонов и нескольких поперечных балок перекрытия. Пол второго этажа сильно просел, хотя почти нигде не провалился вниз. Стены здесь были расписаны, но фрагменты росписи попадаются только в завале. Из мотивов опознается кайма из узорного шелка с круглыми медальонами, шедшая по краю красного ковра. На росписях такие ковры обычно украшали троны божеств. Кроме того можно опознать фрагмент венка с подвеской. Подобный венок в клюве птицы известен по росписям многих залов Пенджикента. В конце своего существования (очевидно, тогда же, когда был разрушен пристенный алтарь в помещении 13) эта комната полностью изменила свое назначение. Здесь была устроена какая-то мастерская с производственной печью обычного типа из перевернутого хума с сырцовым футляром. С печью был, видимо, связан обломок керамического двухканального сопла. Уровень второго этажа заметно поднялся за время существования мастерской.

В нижнем помещении перестройки менее существенные. Здесь был удален один из столбов и заменен колонной с базой, но без капители. Следов огня здесь нет, хотя дерева много, а входивший в тот же дом зал 13 сгорел во время пожара. Такое избирательное поведение огня маловероятно. Поэтому необходимо другое объяснение. Проход между помещениями 15 и 16 с их разными уровнями пола производит впечатление не выложенного во время постройки, но прорубленного. Помещение 16 первого этажа могло быть во время пожара изолированным от помещения 15 и иметь только уличный выход, тогда как сохранность стен второго этажа заставляет допускать возможность существования прохода из зала второго этажа не только на восток (к помещению 16), но и на запад. Отметим при этом, что восточный проход не сохранился и его наличие в древности лишь пред-

полагается на основании связи помещений 15 и 16 по первому этажу. Без помещения 16 Г-образный участок жилища, состоявшего из помещений 13, 14, 15, приобрел бы типичные прямоугольные очертания. Площадь этого прямоугольника (85 кв. м при площади помещений первого этажа 40 кв. м) мала для дома с живописью, но надо учесть, что роспись была нанесена после пожара, когда к жилищу присоединили помещение 16, роспись которого, вероятно, синхронна живописи помещения 13.

Итак, помещение 16 второго этажа пережило три периода. Во втором периоде (после 740 г.) оно входило в дом с «языческой» живописью (в помещении 13), а в третьем периоде (760—770-е годы) было ремесленной мастерской.

Все четыре фрагмента сирийского текста найдены в прослойках пола выше уровня балок. Прослойки при проседании сместились, что мешает стратиграфическому датированию. Если обратиться к характеру самого текста, то станет очевидным, что связь этого христианского документа с «языческим» вторым периодом маловероятна. Ненамного вероятнее связь школьного текста с «горячей» ремесленной мастерской третьего периода. Таким образом, следует полагать, что сирийский документ попал в помещение в течение первого периода, т. е. в начале VIII в. Но этот период как раз наименее ясен. Можно только сказать, что помещение с кормушкой явно входило в тот же комплекс, что и зал второго этажа, в котором найден текст. К югу от помещения 16 начато исследование двух сводчатых помещений (17 и 18), в завале одного из которых был обломок кружки с процарапанным после обжига знаком креста с расширяющимися концами (так называемый несторианский крест). Помещения 16 и 17 разделяет весьма массивная стена, что как будто заставляет относить их к разным домам, но пока рано делать окончательный вывод, поскольку в толщу стены включен останец более ранней постройки.

Находка сирийского документа доказывает, что в Пенджикенте жили согдийцы-христиане. Весьма вероятно, что здесь существовала христианская, скорее всего несторианская школа.

Археологический комментарий этой замечательной находки остается пока довольно фрагментарным, однако продолжение работ на объекте XXIV, по-видимому, позволит уточнить характеристику жилища, в котором был найден первый сирийский остракон.

¹ Результаты работ на объекте XXIV в 1969—1971 г. см.: *Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г. — Сб.: Археологические работы в Таджикистане, 10 (1970). М., 1973, с. 111—116; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Пенджикент. — Наука и жизнь, 1971, № 8, рис. на с. 4 и на обложке; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1970 г. — СГЭ, 36, 1972; они же. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. — СГЭ, 37, 1973.

² Сирийской школе посвящена специальная статья Н. В. Пигулевской «Сирийская средневековая школа» (ПС, 15, 1966, с. 130—140).

³ Описанию и характеристике этой литературы посвящена статья Олафа Хансена. См.: *Christliche Literatur der Sogdier. — Handbuch der Orientalistik, Bd. IV, Abt. 1, Abschn. 2, 1968, S. 91—99.*

⁴ См.: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 118—120.

⁵ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перев. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962, с. 68.

⁶ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город..., с. 120.

⁷ *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 292.